

Сюэ Бэйван неохотно разомкнул объятия.

Приготовив отвар, Бай Чэнцзюэ принес его в спальню.

Он присел на край постели. Зачерпнув ложкой темное снадобье, он осторожно подул на него и поднес к губам юноши.

Сюэ Бэйван послушно сделал большой глоток, не сводя с него сияющих глаз. Казалось, за этой счастливой улыбкой он совершенно не замечал едкой горечи лекарства.

— Ты и раньше кого-то так выхаживал? — спросил Сюэ Бэйван.

Вопрос заставил руку Бай Чэнцзюэ на миг дрогнуть. Фарфоровая ложка качнулась, всколыхнув светло-коричневый отвар, на зыбкой глади которого отразилась половина его лица.

«Да, случалось».

Когда маленький император Бай Яньцю хворал, он вечно капризничал и цеплялся за своего дядю, требуя неотлучно сидеть рядом. Но даже тогда этот несносный сорванец ухитрялся срыгивать горькое снадобье прямо на его роскошные одежды.

Позже Яньцю повзрослел и больше не нуждался в том, чтобы младший дядя уговаривал его принять целебный отвар.

Глядя на послушного Сюэ Бэйвана, Бай Чэнцзюэ вдруг осознал, что уже много лет ни за кем так не ухаживал.

Он поднял глаза. Встретившись с ним взглядом, он мягко улыбнулся:

— Нет, никогда.

— М-м, — довольно протянул юноша. Он счастливо улыбнулся, совершенно не умея скрывать свои чувства.

Поднеся к его губам последнюю ложку лекарства, Бай Чэнцзюэ слегка согнул указательный палец и легонько коснулся лба юноши.

— Спи. Проснешься — и все пройдет.

— Хорошо.

Бай Чэнцзюэ помог ему лечь, поправил одеяло и, забрав пустую пиалу, вышел.

Убедившись, что Сюэ Бэйван крепко уснул, он тайком вернулся в свое поместье и велел Е Гую разведать, как поживает Сяо Муцзы.

Того схватили едва ли не у порога и сразу бросили за решетку. Лишенный каких-либо вестей в сырой камере, парень наверняка извелся от беспокойства за судьбу своего господина.

В сумерках Бай Чэнцзюэ вернулся в новую усадьбу с корзиной горячей еды.

Оставив ужин на столе, он подошел к постели и негромко позвал юношу, слегка похлопав по плечу, но тот не откликнулся.

Бай Чэнцзюэ коснулся его лба и встревожился — Сюэ Бэйвана была сильная лихорадка. Его губы пылали пунцовым, будто искусанные в кровь, а на щеках проступил яркий болезненный румянец.

Когда прохладные пальцы Бай Чэнцзюэ коснулись его лица, Сюэ Бэйван с трудом приоткрыл веки. Он мутно моргнул пару раз, затрепетав влажными от испарины ресницами.

Вечно деятельный, шумный молодой господин сейчас лежал беззащитным, и это зрелище невольно рождало в душе щемящую нежность.

Бай Чэнцзюэ осторожно провел тыльной стороной пальца по его веку. Больной юноша насупился и попытался слабо отвернуться, уходя от этого ледяного прикосновения.

— Велел же тебе лежать смирно, а ты все равно не слушаешь, — негромко усмехнулся он, коснувшись его лба. — Только заставляешь меня изводить себя заботами.

Но ответом ему были лишь прерывистые, тяжелые вздохи.

К полуночи жар не спал. Сидя у изголовья постели, Бай Чэнцзюэ без устали смачивал ткань в студеной воде, выжимал ее и бережно укладывал на пылающий лоб юноши.

— И без того дуралей, а если лихорадка тебе последние мозги высушит, кем ты станешь?

Взяв другое полотенце, он принялся бережно обтирать его шею и плечи, пытаясь сбить огонь.

Охваченный жаром Сюэ Бэйван даже не метался. Он безропотно лежал, позволяя ему делать с собой все, что нужно.

Юноша обладал крепким, ладным телосложением — не гора мышц, но развит превосходно. Чтобы ворочать его, меняя повязки, Бай Чэнцзюэ пришлось изрядно попотеть.

Сам же виновник этих хлопот спал глубоким, беспмятным сном.

Снова сменив компресс, он со вздохом поднялся и ладонью растер ноющую поясницу.

— Еще раз свалишься с хворью — выставлю за порог, — вполголоса проворчал он.

Но все же взял медный таз и пошел во двор к колодцу за свежей водой.

Ему и впрямь доселе не доводилось так преданно выхаживать больного.

В новой усадьбе не держали челяди. С наступлением темноты фонари в галереях никто не зажигал. Даже во времена его пребывания в Тереме Сотни Цветов ему не доводилось оказываться в столь глухом, сиротливом безмолвии.

Поставив таз у порога, он достал из широкого рукава огниво и принялся зажигать подвешенные в коридоре фонари.

Внезапно тишину нарушило едва слышное воркование. Сжимая в пальцах тлеющий фитиль, Бай Чэнцзюэ спустился с деревянного настила галереи и пошел на звук.

У кирпичной стены, под сенью дерева, топтался почтовый голубь. Птица тихо хлоптала, словно призывая хозяина.

Он погасил фитиль. Быстрым движением он поймал бестолковую птицу и аккуратно ощупал ее крылья и лапки, пока пальцы не наткнулись на примотанный футляр — бамбуковую трубку длиной с палец.

Зажав драгоценную находку в ладони, он взял глупую голубку под крыло и поспешил в кабинет.

На письменном столе затеплилась свеча.

Приблизив футляр к огню, он убедился, что на нем нет хитрых охранных знаков, после чего острием кинжала скovyрнул сургучную печать.

Свернутый в трубку лист бумаги оказался величиной с ладонь. Тонкие, каллиграфические штрихи почерка показались ему слишком знакомыми.

Князь Чжао славился своим каллиграфическим искусством — каждый его штрих был выверен и изящен. Еще когда Бай Чэнцзюэ был ребенком, покойный император постоянно ставил успехи князя Чжао в пример. Самому Бай Чэнцзюэ эти вычурные завитки казались заурядными, но в глазах отца он сам всегда оставался презренным ублюдком, какие бы усилия ни прилагал.

В послании говорилось:

«Дошли вести о несчастье, постигшем посланника. Если ты цел, через три дня жду на прежнем месте. Если же сие письмо вскрыл не адресат, значит, худшие опасения подтвердились. Князь Минь жесток и беспощаден, он убил тебя и сокрыл тело на дне озера. Я уже выслал людей на поиски. Твой прах в любом случае вернется в родные края».

Сначала князь Чжао самолично навязал ему этого соглядатая, подослав под видом убийцы.

Но стоило плану дать осечку, как вся вина за его гибель пала на Бай Чэнцзюэ.

Видимо, слухи о кончине Сюэ Бэйвана не на шутку переполошили князя Чжао. Все же тот приходился седьмым принцем царства Чэнь, и если бы он сгинул по-настоящему, зачинщику заговора было бы трудно оправдаться перед иноземными союзниками.

Обмакнув кисть в тушь, Бай Чэнцзюэ с дотошной точностью вывел фальшивку, безупречно переняв чужой изящный наклон букв.

Он опустил футляр в специальный состав, чтобы растворить остатки восковой печати. Понюхав соскобленный воск и не обнаружив в нем тайных благовоний, он зажал бамбуковую щепу костяными щипцами, высушил над свечой, вложил внутрь копию и бережно привязал к лапке птицы.

Настоящую же записку князя Чжао он спрятал в складках одеяния.

Голубь сидел на краю стола с самым бестолковым видом. Бай Чэнцзюэ легонько потрепал птицу по темени; та лишь глупо вытянула шею и захлопала веками, не понимая, как ловко ее провели.

Он тихо рассмеялся, щелкнув пернатого гонца по клюву:

— Сразу видно, чья птица. Твой хозяин, князь Чжао, — точно такой же болван.

Голубь лишь склонил голову набок и тихонько заклохтал, тупо моргая.

Раскрывать карты сейчас было бы глупостью — одна записка не способна сокрушить власть

влиятельного вельможи. Пытаться пошатнуть его власть с такой малостью — все равно что муравью валить скалу.

Куда выгоднее оставаться при Сюэ Бэйване. Оберегая этого юношу, он сможет шаг за шагом вывести куда более веские доказательства предательства князя Чжао и его сделки с врагами.

Вернувшись в спальню с тазом свежей воды, Бай Чэнцзюэ услышал тихий, прерывистый бред Сюэ Бэйвана.

Он бесшумно поставил таз на пол и склонился над юношей. Прикоснувшись к его лбу, он почувствовал, что огонь лихорадки немного утих.

И все же Сюэ Бэйван шевелил искусанными губами, исторгая из хриплого горла бессвязный шепот.

Заинтересовавшись, Бай Чэнцзюэ приклонил голову, приблизив ухо к самым губам больного.

Дыхание юноши, опаляющее и прерывистое, щекотало кожу, заставляя ухо гореть от смутного тепла.

— Матушка... Мне холодно... — едва слышно звал Сюэ Бэйван.

Он замер, пальцы судорожно сжали край плотного одеяла.

Много лет назад в ледяных покоях без единого уголька в жаровне он сам точно так же, содрогаясь от озноба, звал на помощь.

— Мне холодно... — в голосе Сюэ Бэйвана зазвучали слезные ноты.

Глубоко вздохнув, Бай Чэнцзюэ скинул легкий халат и набросил его поверх одеяла. Но Сюэ Бэйван, точно семилетний ребенок, продолжал обиженно и жалобно звать матушку.

Не выдержав этих жалобных стонов, он мягко обнял его, прижимая к груди.

Отыскав источник тепла, больной юноша потянулся навстречу и уткнулся носом в его грудь, продолжая бессильно шептать заветное слово.

Он мерно покачивал его, убаюкивая.

Почувствовав облегчение, Сюэ Бэйван благодарно потерся взъерошенной макушкой о его плечо.

Бай Чэнцзюэ почувствовал, как от этого защекотало в груди, и осторожно высвободился, слегка отодвинув его:

— Заболел и сразу раскапризничался.

— Угу... — сонно пробормотал Сюэ Бэйван, засыпая.

Он невольно усмехнулся и тихо вздохнул:

— Будь по-твоему. Только этой ночью...

— Все тело болит... Матушка, спой мне, и тогда все пройдет...

— Спеть?

Сюэ Бэйван бредил так тяжело, что едва ли понимал, кто рядом. Должно быть, лихорадка совсем затуманила разум, раз уж он умудрился принять бархатистый голос мужчины за материнский и так доверчиво ластился к нему.

Бай Чэнцзюэ проявил редкое великодушие.

Чуть изменив голос на мягкий и певучий, он негромко напел мотив старой колыбельной, которую когда-то пела ему старшая сестра, Бай Цинли.

Под это нежное пение Сюэ Бэйван наконец обмяк. Его дыхание выровнялось, и он безмятежно заснул на его плече.

Бай Чэнцзюэ долго вглядывался в его беззащитное лицо. Колыбельная постепенно затихала, пока ее последний, едва различимый мотив не растворился в безмолвии спящей комнаты.

На следующее утро Сюэ Бэйван открыл глаза и обнаружил, что первая красавица спит прямо рядом с ним.

Из-за его затяжной болезни первая красавица не смыкала глаз двое суток. На ее бледном, нежном лице теперь отчетливо проступали темные тени усталости.

Сюэ Бэйван с щемящей нежностью коснулся закрытых глаз Бай Чэнцзюэ.

В памяти смутно оживали обрывки вчерашнего бреда: нежная колыбельная, бережные прикосновения рук и беспорядок вокруг постели — следы долгой борьбы за его жизнь.

«Никто и никогда не заботился обо мне так, как ты...»

Бай Чэнцзюэ вдруг открыл глаза. Сюэ Бэйван от неожиданности оцепенел, боясь сделать даже вдох.

Когда прохладная ладонь Бай Чэнцзюэ легла ему на затылок, дыхание Сюэ Бэйвана участилось.

Прежде чем юноша успел заговорить, Бай Чэнцзюэ подался вперед и прижал свой лоб к его лбу. Его теплое, мерное дыхание коснулось лица, даря нежное, приятное чувство покоя.

— Жар спал, — удовлетворенно констатировал он.

С этими словами Бай Чэнцзюэ оперся о постель, намереваясь встать, но Сюэ Бэйван внезапно потянул его на себя, увлекая обратно в объятия.

Он прижал Бай Чэнцзюэ к себе с такой силой, словно боялся выпустить из рук бесценное сокровище. Бешеный стук его сердца гулко отдавался в ушах принца.

— Ты ведь двое суток из-за меня глаз не смыкал. Поспи еще немного, — прошептал Сюэ Бэйван.

— На одной постели? И ты вот так просто будешь меня обнимать? — тихо рассмеялся Бай Чэнцзюэ.

Лицо Сюэ Бэйвана вспыхнуло. Не разжимая объятий, он лишь крепче привлек его к себе и смущенно пробормотал:

— Но... вчера ночью ты ведь... тоже меня обнимал?

— Только потому, что ты бредил и вцепился в меня мертвой хваткой, — парировал Бай Чэнцзюэ.

— Но я... и сейчас еще не до конца поправился... Так что мне тоже можно... не отпускать тебя, — упрямо буркнул Сюэ Бэйван.

Еще и заикается от смущения, а уже пытается упрямыться.

Бай Чэнцзюэ придвинулся ближе, почти касаясь своими губами его губ. Сюэ Бэйван испуганно замер, снова перестав дышать.

— Твои повадки, Сюэ Бэйван, совсем не похожи на повадки невинного юноши, — вкрадчиво прошептал он.

— С чего ты... взял? — Сюэ Бэйван судорожно пытался перевести дыхание, отчего его лицо покраснелось еще сильнее.

— Разве в веселых кварталах царства Чэнь найдется девица прекраснее меня? — с улыбкой спросил он.

Слыша эти шутливые слова, Сюэ Бэйван смущенно уткнулся лбом в его грудь. Сгорая от стыда, он тихо прошептал:

— Я ничего дурного не сделаю... Просто разреши полежать так еще немного. Совсем чуть-чуть.

— Хорошо, — тихо выдохнул Бай Чэнцзюэ.

Закрыв глаза, он мерно задышал.

За последние двое суток он почти не смыкал глаз ради спасения этого дураля, поэтому сон сморил его без труда.

Сюэ Бэйван подержал его в объятиях еще немного. Проснувшись во второй раз, он постарался высвободиться как можно аккуратнее, чтобы не потревожить чуткий сон Бай Чэнцзюэ.

Было видно, что он изнурен заботами — он спал глубоко и спокойно.

Почувствовав свободу, Бай Чэнцзюэ во сне послушно перевернулся на бок. Его нежные губы были приоткрыты, а дыхание оставалось настолько тихим, что его едва ли можно было расслышать.

Поднявшись с постели, Сюэ Бэйван заворуженно замер у изголовья, созерцая спящего.

Он давал себе зарок не переходить черту, но устоять перед искушением не смог. Склонившись, он запечатлел на этих мягких губах мимолетный, едва ощутимый поцелуй.

Его первая красавица отличалась от обычных людей: ее кожа веяла прохладой чистейшего нефрита, а поцелуй оставил на его губах легкое ощущение зимней прохлады.

Тихо ступая, он вышел из спальни.

Во дворе, как он и предполагал, его ждал посланник — почтовый голубь.

Белоснежная птица устроилась на ветке неподалеку, утомленно прикрыв глаза.

Бережно отвязав от лапки бамбуковый футляр, Сюэ Бэйван взял уставшую птицу на руки и направился в кабинет.

В записке заговорщик утверждал, будто князь Минь подослал к нему наемных убийц. Сюэ Бэйван отлично помнил подробности того вечера, но попади это послание в руки Сяо Муцзы, верный слуга наверняка лишился бы рассудка и бросился бы в поместье князя Миня мстить за своего господина.

Дверь кабинета резко распахнулась. Вскинув голову, Сюэ Бэйван увидел на пороге Бай Чэнцзюэ. Повинуясь мгновенному порыву, он поспешно опустил край бамбуковой щепы на пламя свечи.

Яркая вспышка озарила комнату, и тайное послание осыпалось на стол серым пеплом.

Он стоял на пороге, касаясь босыми ногами холодного пола.

Он знал, что Сюэ Бэйван непременно проявит осторожность с посланием князя Чжао. Но, молча глядя на то, как огонь пожирает бамбуковую щепу, он сохранил на лице лишь маску ледяного безразличия.

В следующий миг Сюэ Бэйван подхватил его под колени и поднял на руки. Вздвогнув от неожиданности, он крепко ухватился за его воротник, с недоумением всматриваясь в улыбающиеся глаза юноши.

— Зачем босиком по холодному полу ходишь? Опять простудишься, — с укоризной проговорил Сюэ Бэйван.

Напустив на себя привычную, обманчивую слабость, он крепче сжал его воротник и тихо, с затаенной грустью произнес:

— Я испугался... Думал, проснусь, а тебя уже нет.

<http://bllate.org/book/18210/1751796>